

Музыка проявилась с непредсказуемым коварством

Москва, правда, — 1995. — 20 июня, — с. 6.

От Москвы до самых до окраин вас, Никита Владимирович, знают как автора песен «Любимый город может спать спокойно», «Шаланды, полные кефали», «Темная ночь» и многих, многих других. На протяжении нескольких поколений ваши мелодии озвучивают нашу действительность. Поэтому, если позволите, первый вопрос: когда вы впервые сели за рояль?

- В то время, когда это случилось, я бы за него добровольно не сел. Меня насильственно усадили за него родители, точнее, бабушка Надежда Николаевна. Она была хозяйка дома, а я малец с неполным трехлетним стажем жизни.

Четыре года моего музыкального образования сопряжены с серией грандиозных скандалов, со слезами, суровыми наказаниями. Наконец, когда я пошел в школу, домашние, окончательно махнув рукой на попытки приобщить меня к тайнам музыкального искусства, освободили меня от музыки, но при условии, что я буду приносить пятерки. Как вы догадываетесь, тройки я легко исправлял на пятерки и жил, горя не зная.

Однако вбитая в меня по принуждению музыка с годами проявилась с непредсказуемым для всех коварством. Лет в десять меня вдруг недолго потянуло к роялю. С мальчишеским самомнением и чудовищной безграмотностью я часами брэнчал, брал аккорды, от которых дрожали стекла, издавая совершенно нелепые и дикие звуки. Начались скандалы обратного порядка - от рояля меня оттащивали. Но мое упорство, очевидно, подействовало, тем более что я перешел полностью на сочинение собственной музыки. Пережив первый шок, семья стала недоверчиво прислушиваться к моим экзерсисам. Один из вальсов под названием «Дита» я посвятил девочке, с которой познакомился в театре. С этим музыкальным произведением я и пришел к ней на день рождения, неся ноты, или, как говорят в Одессе, дирекцион, в папке.

Придя в гости к девочке Дите, я познакомился с ее отцом, человеком, ставшим для меня кумиром на всю оставшуюся жизнь, - Леонидом Осиповичем Утесовым. Все дети называли его дядя Леда.

Среди приглашенных находились не только мальчики и девочки, но и взрослые дяди и тети. Запомнились мне выдающийся пианист Владимир Горовиц, артист Владимир Хенкин, писатель Исаак Бабель. Но больше всех поразило мое воображение сам хозяин дома.

Можно считать, что в доме Утесовых я впервые публично заявил о себе как начинающий композитор. Много лет спустя я играл вальс «Дита» на юбилейном вечере в честь

85-летия Утесова по тем нотам, которые сохранились у его дочери Эдит Леонидовны. А тогда, тринадцатилетним мальчишкой, я не мог этого даже предположить. Просто веселился от души.

Музыкальные терзания рояля продолжались, и родители были вынуждены принять защитные меры. Они обратились к композитору и педагогу С.В. Панченко, ученику А.К. Лядова, с просьбой ознакомиться с новоявленным фанатом. Вопреки ожиданиям, Панченко мной заинтересовался, и начались занятия по композиции. В 1927 году Панченко решил представить меня директору Ленинградской консерватории А.К. Глазунову в числе двух своих лучших учеников. На другой день после приема я узнал, что мне разрешено приходить к Глазунову домой раз в неделю, по воскресеньям, и показывать свои сочинения. Вместе с тем, памятуя о моей теоретической безграмотности, Александр Константинович настоятельно рекомендовал мне продолжить занятия с Панченко, что я и сделал.

По совету Глазунова я поступил в Центральный музыкальный техникум на композиторское отделение, а потом через два года - в консерваторию. Эти семь лет прошли в атмосфере такого веселья, таких розыгрышей, шуток, пародий, рядом с которыми бледнеют все сегодняшние КВН. Это был один сплошной, непрекращающийся студенческий капустник.

- Так вот, оказывается, Никита Владимирович, где истоки фантастического умения разыгрывать людей, той лукаво-ироничной веселости, которыми так славится Богословский! Я всегда недоумевала: как в семье с религиозной фамилией мог родиться такой озорник и добродушный сатирик. Ведь ваши предки, если судить по фамилии, были из священников. Им часто давали фамилии по названию прихода. Переулки, улицы, площади именовались так же. Вот вижу у вас вывеску, висевшую раньше в Богословском переулке...

- Вывеска, действительно, из Богословского переулка, а фамилия корнями уходит в Польшу XVIII века. Во времена Екатерины II из Польши в Петербург приехал шляхтич Казимир Богуслав. При императоре Александре II обрусевшие потомки польского шляхтича пода-

ли прошение на Высочайшее имя царя с просьбой о перемене фамилии Богуслав на Богословских, что и записано в пятом томе Бархатной книги, где собраны данные родословных всех дворян Российской империи. Под этой новой фамилией значился мой дед, Лев Федорович, который считался в Москве крупным адвокатом. Мой отец, Владимир Львович Богословский, появился на свет в 1883 году и умер в Ленинграде от голода во время блокады.

Моя мама, Елена Михайловна Поземковская, была дочерью камергера двора и действительного статского советника.

Когда после убийства Кирова всех дворян стали выселять из Ленинграда, нашу семью намеревались сослать в Среднюю Азию. Узнав об этом, моя бабушка, да, да, та самая, Надежда Николаевна, поехала в Москву к председателю ОГПУ Менжинскому, которого наша семья прятала от жандармов в имении Карповка в Тамбовской губернии еще до революции. Вячеслав Рудольфович принял бабушку и заменил Среднюю Азию на Казань. Туда вся семья и уехала. Я остался в Ленинграде. Через какое-то время меня пригласили в Большой дом, как называли в те годы здание ОГПУ, и усталый начальник дал мне бумажку с направлением в Сыктывкар. По легкомыслию молодости я ею не воспользовался, продолжая жить в Ленинграде. В суматохе дел про меня забыли.

Как раз в том самом роковом для дворян 1934 году я окончил консерваторию и продолжал отдавать предпочтение большим музыкальным формам. Еще в 1929 году я написал оперетту «Ночь перед Рождеством» по заказу Театра музыкальной комедии. На премьере произошел смешной случай. При входе в театр меня остановили, сказав, что детей пускают только на утренние сеансы. При моем, скажем так, невысоком росте, имея шестнадцать лет от роду, я совсем не напоминал билетершам маститого композитора. Но театру, видимо, моя музыка пришлась по вкусу, если в 1933 году он заказал мне детскую музыкальную комедию «Остров пяти крокодилов» на либретто Евгения Шварца, потом оперетту «Как ее зовут?» (1935) на либретто Николая Адуева, еще год спустя - оперетту «Золотая рыбка» на либретто Бориса Тимофеева.

- А где же песенный Богословский? Когда же он появился?

- А он появился в 1937 году, приняв участие в конкурсе на лучшую песню о пограничниках. Совершенно не зная интонационной сферы набиравших тогда силу советских массовых песен, я долго их играл, изучал и, наконец, после долгих мук написал песню «Письмо в Москву» на стихи моего друга Матвея Тевелева и послал ее на конкурс. Результат оказался плачевным - никакой премии, никаких поощрений. Слегка погоревав, я вообще забыл про это сочинение. Решил: песни не для меня.

Но так случилось, что Дунаевский рекомендовал меня для работы над фильмом «Остров сокровищ», сославшись на мнение Шостаковича. Режиссер Вайншток сразу потребовал простоты, мелодичности, доходчивости. Для начала он посоветовал сочинить три песенки - для героини, пиратскую и марш повстанцев. Песенку Дженни скоро запели на улицах.

Приехав в столицу в 1938 году, я увидел на афише концерта Лемешева свою пропавшую на конкурсе песню «Письмо в Москву». Набравшись смелости, я явился на концерт и в антракте пришел за кулисы к Сергею Яковлевичу, бывшему тогда в зените славы. Артист просил написать что-нибудь специально для него. Я и не предполагал тогда, что знаменитые певцы начнут петь мои песни. Но «Песню старого извозчика», посвященную открытию московского метро, сразу запел Леонид Утесов. Понравившись «Спят курганы темные» на стихи Бориса Ласкина, под их музыку танцевали вальс.

Моей лучшей предвоенной песней многие считают «Любимый город может спать спокойно» на стихи Евгения Долматовского к кинофильму «Истребители». Там снимались Марк Бернес и Борис Андреев.

Мне довелось снова встретиться с ними на съемочной площадке весной 1942 года в Ташкенте, куда эвакуировалась Киевская киностудия. Когда началась война, я, будучи москвичом, вступил в народное ополчение вместе с другими композиторами. Но Главное политическое управление Красной Армии отозвало меня из ополчения и направило в распоряжение Главного комитета кинематографии. Дело в том, что для Киевской киностудии я писал музыку к фильмам режиссера Леонида Лукова.

После киноновеллы «Ночь над Белградом» с Татьяной Окуневской в главной роли, после фильма «Александр Пархоменко», начатого еще накануне войны, Луков приступил к съемкам нового произведения под названием «Два бойца». Я должен был написать симфоническую музыку. Но однажды режиссер пришел и сказал, что без песни сцена в землянке не получается. Луков так талантливо и взволнованно передал тему песни и ее настроение, что я, сев к роялю, сразу без единой оstanовки сыграл ему мелодию «Темной ночи», которая вошла потом в фильм без единого изменения. Случай такого мгновенного сочинения песни в моей практике единственный.

Вызвали срочно поэта Владимира Агатова - он тут же, присев к столу, написал стихи

почти без помарок. Разбудили Бернеса, отсыпавшегося после утомительных съемок, где-то поздним вечером раздобыли гитариста. Утром начали снимать эту сцену в землянке.

Но «Темной ночью» дело не обошлось. Луков попросил написать еще одну песню в одесском стиле для героя-одессита.

Я никогда не соприкасался творчески с одесским песенным фольклором и просто не знал, с чего начать. И тогда в газетах было помещено объявление с просьбой ко всем лицам, знавшим одесские песни, явиться на киностудию. На следующий день привалила огромная толпа, начиная от профессоров и кончая теми, кто непонятно почему на свободе. И все они два дня наперебой пели одесские песни. А потом, сплавив характерные обороты и интонации, я написал «Шаланды», песню вполне самостоятельную, незаимствованную. Однако, как водится, нашлись перестраховщики, блюстители социалистической морали. Они усмотрели в «Шаландах» идеологическую слабость, считая песню блатной. Мне думается, я точно поймал одесский колорит, и поэтому одесситы считают меня своим.

В январе 1943 года по приказу Главного политического управления Красной Армии меня направили в Беломорск в распоряжение командующего войсками Карельского фронта. Писал песни, работал с фронтовым ансамблем песни и пляски. Выступал сам. В Москву меня отозвали в марте 1944 года, но концерты в тылу и на фронте продолжались. Особенно часто бойцы просили исполнить «Солдатский вальс», написанный для Утесова и предвещавший победу.

После окончания войны я писал песни для любимых певцов - Лемешева и Бернеса, для мультфильмов и театров. Из кинокомедий вспоминаются «Пес Барбос и необычный кросс» Леонида Гайдая и его же «Самогонщики», где режиссер отдал мне на откуп всю музыкальную часть.

- Никита Владимирович, скажите, пожалуйста, а когда же вы успели пристраститься к сатире и юмору?

- Практически с детства, начиная с розыгрыша тройки по поведению на пятерку в школьном дневнике. А музыкальный техникум и консерватория, где шутки и смех были символом работоспособности, сделали из меня отъявленного оптимиста.

- Вот теперь я понимаю, Никита Владимирович, почему вы стали уникальным явлением для всех наших творческих союзов, от композиторов до кинематографистов, от артистов до журналистов, не говоря о писателях. Ваша легендарная слава великого пересмешника соперничает с не менее легендарной славой советского песенника. От «Острова пяти крокодилов» - музыкальной комедии для детей берет начало ваша многолетняя дружба с журналом «Крокодил», где печатаются ваши смешные рассказы. Не отходя от рояля, вы умудрились написать несколько сатирических книжек и сатирическую повесть «Интересное кино». Скажите, как вам все это удается?

- Я люблю жить и работать весело.

Людмила УРАЗОВА.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА (Санкт-Петербург).